

ПЕРВЫЕ ВЫСТАВКИ В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ МАРКА ШАГАЛА

The First Exhibitions in Marc Chagall's Creative Biography

Aleksandrs Lisovs (Александр Лисов)

Витебский государственный университет / Vitebsk State University
e-mail: allisov@mail.ru

Abstract. *This article focuses on the early exposition experience of Marc Chagall, on his participation in Russian exhibitions in 1910-12. This experience had influenced his formation as a professional artist. This experience resulted in the recognition, defined his relationship with the artistic environment, critics and collectors.*

Two letters of M. Chagall to M. Dobuzhynski are published in original language. They are the convincing proof of the fact that at an initial stage of his formation during the first Parisian period when Chagall wasn't still known and recognized, he continued to enjoy support and care of his Petersburg teachers M. Dobuzhynski and L. Bakst, hoping for their help. In the first half a year of his Parisian life he saw the recognition in a circle of Russian artists of the association "World of Art". The latest Parisian experience furthered the estrangement of M. Chagall from the "World of Art" and created the rapprochement with the leftist artists oriented on P. Cezanne's system, the association "Bubnovy Valet" ("Jack of Diamonds").

Keywords: *art association «The Union of Youth», art association «The World of Art», Bakst Leon, Chagall Marc, Dobuzhynski Mstislav, Elizabeth Zvantseva's art school, exhibitions, Kandaurov Konstantin, Tarkhov Nikolai.*

Вступление

Бытует мнение о том, что признание пришло к художнику Марку Шагалу (Marc Chagall, 1887-1985) очень скоро. И действительно, переход Шагала от ученичества к профессиональному признанию занимает совсем непродолжительное время, если судить по его участию в выставках. Первым его шагом к публичному экспонированию собственных произведений стала ученическая выставка школы Званцевой, организованная в Петербурге, в помещении журнала «Аполлон» весной 1910 г. Уже спустя год после этого его работы были показаны на профессиональных выставках: объединения «Союз молодежи» (1911 г.) и затем воссозданного объединения «Мир искусства» (1912 г.). Может показаться, что поиск привлекательных для молодого художника выставочных проектов и вместе с тем собственного пути, в искусстве, был легким и свободным от внешних влияний, серьезных проблем. Но чем больше открываются для исследователей документы начальной поры его творчества, тем более прибавляется оснований говорить о той значительной роли, которую сыграли в этом его педагоги. Этими педагогами были Ю. М. Пэн (1854-1937), Н. К. Рерих (1874-1947), Л. С. Бакст (1866-1924), М. В. Добужинский (1875-1957). Как будто, яркая, индивидуальная манера Шагала сложилась вопреки педагогическим системам и художественным направлениям. Он и сам до конца своих дней отмежевывался от попыток причислить его к какому-либо из художественных течений в искусстве 20 века. Очень неоднозначные характеристики своим учителям давал художник и в автобиографической книге «Моя жизнь». Опубликованные в последние годы документы переписки Шагала дают между тем основание утверждать, что его поиск собственного пути был весьма сложным. Шагал нередко следовал советам учителей, Л. Бакста, и М. Добужинского, просил их помощи и совета. В период перехода от ученичества к профессионализму и в связи с отъездом из России в Париж он испытал глубокий творческий кризис, из которого выйти помогли выставки, состоявшиеся на родине в 1911-12 гг. В книге «Моя жизнь» Шагал противопоставляет свои ощущения парижской творческой жизни тому, что было на родине, но и Париж вовсе не ожидал молодого художника с распростертыми объятиями.

Первая попытка к участию в парижском Осеннем салоне 1911 г. была отвергнута и все предложенные работы Шагала отклонены.

Цель работы

В статье рассматривается ранний экспозиционный опыт Марка Шагала, участие в российских выставках 1910-12 гг., повлиявший на профессиональное становление художника. Этот опыт привел к признанию, определил его отношения с художественной средой, критикой, коллекционерами.

Ученическая выставка школы Званцевой (1910)

Об участии в этой выставке Шагала написал в обстоятельной статье Я. В. Брук (Брук, 2005). Выставка учащихся школы Званцевой проходила в помещении редакции журнала «Аполлон» с 20 апреля по 10 мая 1910 г. На ней были представлены 3 картины Шагала: «Смерть», «Свадьба» и «Обед». Молодой художник не настаивал на авторских вариантах названий своих произведений, поэтому они нередко получали в каталогах окончательное название, продиктованное волей выставочного комитета или цензоров, с которыми, как сообщает сам Шагал, в самом начале отношения складываются у него неважно. Сохранившееся в воспоминаниях соученицы Шагала по школе Званцевой Ю. Л. Оболенской описание последней картины не позволяет ее идентифицировать (Оболенская, 2011: 235). Две предыдущие работы исследователями установлены. «Свадьбе» называется также в ряде публикаций как «Русская свадьба» (принадлежит цюрихской коллекции Бюрли). По поводу самой первой работы Я. В. Брук настаивает на том, что «Смерть» является авторским ее названием (так в каталоге выставки и в книге Шагала «Моя жизнь») в противовес более поздним вариантам: распространенному «Похороны» и из каталога выставки «Мир искусства» – «Покойник на улице» (Брук, 2005: 78). Кстати Ю. Л. Оболенская называет в своих мемуарах эту работу «Еврейские похороны» (Оболенская, 2011: 235), говоря о ней как о всем известном произведении. Но в приведенном ниже тексте письма Шагала мы находим вариант «Покойник на улице», что доказывает то, что отношение Шагала к названиям собственных произведений в это время было более свободным. Об этом же свидетельствует и приписка. В настоящее время произведение принадлежит Парижскому центру Жоржа Помпиду. Отмечу, что отсутствие сомнения в широкой известности произведения Шагала его соученицей строится на том, что оно предлагалось и выставлялось художником уже в это время много раз.

Я. В. Брук называет выставку «кульминацией и одновременно финалом короткой истории школы» (Брук, 2005: 69). И в этом есть резон, т.к. лучшие ее страницы связывают с преподаванием Л. Бакста, который незадолго до открытия выставки покинул школу и выехал в Париж для работы над оформлением спектаклей Дягилевских сезонов. Оказалось это событие и причиной ухода из школы Марка Шагала. Хотя работы на выставке были экспонированы по номерам, без фамилий, но для многих, в т.ч. для критиков они секрета не составляли. Отмечены в числе лучших внешкольных работ учеников – «Смерть» и «Свадьба» (Ростиславов, 1910). Кстати, автор отзыва, критик столичной газеты «Речь» А. А. Ростиславов и на других выставках этого и более позднего времени уделял внимание шагаловским произведениям. Работы ученика Шагала привлекли внимание и другого посетителя выставки – художника и художественного критика А. Н. Бенуа (Брук, 2005: 70). И все же не обошлось без скандальных отзывов, которые знаменовали интерес учащихся школы к новациям французского искусства. Как охранитель реалистических традиций с разгромной рецензией выступил И. Е. Репин, назвавший экспонентов «мазилами и красильщиками заборов», а саму выставку «лепрозорием живописи» и

«большим горем». Досталось в статье А. Н. Бенуа и Л. Баксту. Характеристики процитированы в тексте Оболенской (Репин, 1910; Оболенская, 2011: 236).

Марк Шагал на Второй выставке «Союза молодежи» (1911)

Первой «взрослой», неученической, профессиональной выставкой, в которой экспонированы работы М. З. Шагала стала 2-я выставка картин общества художников «Союз молодежи», единственного в начале своей деятельности столичного объединения левых художников. Это была, пожалуй, самая представительная выставка общества, которая вызвала особое внимание публики и критики. Выставка открылась в Петербурге в доме на углу Адмиралтейского и Вознесенского проспектов 11 апреля 1911 г. Это время, когда Шагал окончательно принял решение отправиться на учебу в Париж с предоставленной ему на год стипендией М. Винавера. И здесь все оказывается для него совсем непросто: в печатный каталог выставки его работы не попали. Они вписаны в цензорский экземпляр от руки (Стригалева, 2005: 411), имя художника отмечено также в рецензии (Ростиславов, 1911). На отбор участников выставки М. Ларионов и В. Татлин. Надо прибавить здесь, что благодаря М. Ларионову и Шагалу, и целый ряд других экспонентов впоследствии попали на инициированные им московские выставки «Ослиный хвост» (1912), где в каталоге под номером 286 вновь заявлена картина М. Шагала «Смерть», и «Мишень» (1913), в каталоге которой без названий отмечены 3 его работы.

В приписках цензорского каталога выставки обозначены именем М. Шагала 4 работы под №№200-203: 2 портрета, картина «За столом» и последняя с зачеркнутым названием «Пейзаж». Характеристика этих работ в рецензии А. Ростиславова звучит односложно и при этом позитивно: «Из совсем новых художников надо отметить Шагала с его очень связной и прочувствованной живописью» (Ростиславов, 1911).

2-я выставка «Союза молодежи» работала до 10 мая. Сам же Шагал в это время, в начале мая уже открывал для себя Париж. Впоследствии он писал: «Париж! Само название звучало для меня, как музыка» (Шагал Марк, 1994: 104). Но здесь все оказалось совсем непросто. На страницах своей книги он сообщает: «В Париже я всему учился заново, и прежде всего самому ремеслу» (Шагал Марк, 1994: 99). Заявленные на Осенний салон 1911 года работы были отклонены. И спустя несколько месяцев художник переживал глубокий кризис. Об этом, как и о других реалиях парижской жизни дают представление письма, адресованные на Родину.

Письма М. Шагала из архива В. Н. Ильина

В апреле 2012 года Домом русского зарубежья имени А. И. Солженицына в Москве были переданы библиотеке Витебского государственного университета копии двух писем художника Марка Шагала, адресованных его учителю, известному российскому художнику Мстиславу Валериановичу Добужинскому. Их оригиналы хранятся в архиве Дома русского зарубежья в фонде № 31 выдающегося русского философа, историка и религиозного деятеля Владимира Николаевича Ильина (1890-1974). Документы поступили в августе 2005 г. от наследников ученого. Фонд В. Н. Ильина содержит более 500 единиц хранения, включенных в 2 описи. В настоящее время проводится научно-техническая обработка фонда, ввиду чего его использование исследователями затруднено. По свидетельству дарителей письма никогда ранее не публиковались.

Обстоятельства того, каким образом письма М. З. Шагала к М. В. Добужинскому оказались среди бумаг В. Н. Ильина, остаются невыясненными. Вероятно, они ранее сохранялись в архиве художника М. В. Добужинского или его наследников, однако каким-то образом попали на аукционную распродажу, где и были приобретены новым

владельцем. Почему они до настоящего времени не известны специалистам и не публиковались? Ведь один из дарителей архива философа, его сын Н. В. Ильин, хорошо известен искусствоведам и культурной общественности. Будучи директором по корпоративному развитию в странах Европы и Ближнего Востока Фонда Соломона Р. Гуггенхейма, он немало способствовал культурному сотрудничеству России с европейскими странами и США, был инициатором многих проектов, целого ряда крупнейших художественных выставок искусства русского авангарда, в том числе экспозиций произведений М. З. Шагала из зарубежных и российских собраний а также частных коллекций. И в настоящее время он поддерживает профессиональные связи со многими учеными и музейными работниками в Европе и России. Удивительно, что ни в одном из многочисленных экспозиционных проектов документы не были показаны. И в солидных изданиях последнего времени, посвященных М. З. Шагалу, о них нет ни строчки. Нет ничего о подаренных письмах, например, в объемной русскоязычной монографии В. И. Ракитина о художнике (Ракитин, 2010), хотя ее автор достаточно много сотрудничал с Н. В. Ильиным. Желание В. И. Ракитина привлечь к своему исследованию о художнике новые не публиковавшиеся источники очевидно. Он сам хорошо известен как эксперт, автор многих монографий и статей об истории русского авангардного искусства, в том числе и в каталогах выставок, где его имя стоит рядом с именем Н. В. Ильина.

И все же информация дарителей о том, что письма не были опубликованы ранее, может быть легко опровергнута. Чтобы в этом убедиться, необходимо обратиться к самому фундаментальному изданию источников биографии М. З. Шагала, в том числе и его переписки, каковым является книга известного американского шагаловеда Бенджамина Харшава. Он и стал первым публикатором **письма 2**, правда в переводе на английский язык (Harshav, 2003: 204). Б. Харшав ссылается на личный архив Н. В. Ильина во Франкфурте на Майне, из которого документ был им получен. Таким образом, первой публикацией **письма 2** является его англоязычный перевод в книге Харшава.

Марк Шагал и М. В. Добужинский

Выдающийся русский художник Мстислав Валерианович Добужинский не однажды в разные годы сыграл важную роль в судьбе витеблянина М. З. Шагала. Мастер городского пейзажа, график-станковист и иллюстратор книги, а также художник-декоратор, М. В. Добужинский был одним из крупнейших представителей художественного объединения «Мир искусства». Объединение было основано в 1898 по инициативе двух крупных деятелей русской культуры рубежа 19 и 20 веков – художественного критика А. Н. Бенуа и театрального деятеля, антрепренера С. П. Дягилева. В период 1903-10 гг. объединение формально не существовало, соединившись с другими группировками в Союз русских художников. А в годы учебы М. З. Шагала в Санкт-Петербурге предпринимались попытки воссоздания «Мира искусства». М. В. Добужинский сыграл в этом чрезвычайно важную роль. Он вошел в число учредителей и стал секретарем объединения.

Собственно, именно «мирискусники» были первыми профессиональными наставниками молодого М. З. Шагала, приехавшего учиться в российскую столицу из провинциального Витебска. В Витебске он осваивал изобразительную грамоту у академика Ю. М. Пэна. В Петербурге сначала это был Н. К. Рерих, у которого М. З. Шагал учился в школе рисования Императорского Общества поощрения художеств. Затем в частной школе живописи Е. Н. Званцевой его педагогами стали «мирискусники» Л. С. Бакст и М. В. Добужинский. М. В. Добужинский преподавал в школе рисунок, а Л. С. Бакст – живопись. Занятия у обоих М. З. Шагал считал поворотным моментом своей жизни и профессиональной подготовки, полученной в Санкт-Петербурге. Я. В. Брук

относит учебу М. З. Шагала в школе Е. Н. Званцевой к осени 1909 – весне 1910 гг. (Брук, 2005: 64-85).

Отношение к М. В. Добужинскому у М. З. Шагала всегда было подчеркнуто уважительным. В этом убеждают и публикуемые письма. И все же в автобиографической книге «Моя жизнь» он называет только двух главных своих учителей – Ю. М. Пэна и Л. С. Бакста, отказывая в этом М. В. Добужинскому. Очевидно, Мстислав Валерианович казался многим своим ученикам сухим педантом на фоне артистичного Л. С. Бакста. Однако его ценили за другое: он всегда был подчеркнуто вежливым, тактичным и ровным в общении с коллегами-художниками и учениками. Он обходил острые оценки, особенно тогда, когда это касалось его текстов, рассчитанных на публикацию. Не найдем мы острых характеристик и в книге воспоминаний М. В. Добужинского (Добужинский, 1987). Обширные связи в художественной среде, доброжелательные отношения среди коллег оказались, очевидно, решающим фактором при выдвижении его на пост первого директора Витебского народного художественного училища, учрежденного по предложению М. З. Шагала в 1918 г. Отношение М. З. Шагала к своему бывшему учителю здесь также оказалось существенным. Авторитет директора училища М. В. Добужинского должен был привлечь столичные художнические кадры в провинциальное учебное заведение.

Марк Шагал и Л. С. Бакст

Школу Е. Н. Званцевой не случайно называют школой Л. С. Бакста (1866-1924). Не случайно в этой связи и название упомянутой статьи Я. В. Брука (Брук, 2005: 64-85). К Л. С. Баксту, видномуроссийскому художнику, сценографу, книжному иллюстратору, мастеру станковой живописи и театральной графики, ученики тянулись, его похвалы добивались. М. З. Шагал в этом отношении не отличался от других своих соучеников. Однако и он, будучи любимцем своего педагога, не раз удостоивался нелестного слова. Л. С. Бакста он любил, ревновал и ненавидел одновременно, глубоко переживал отъезд учителя по приглашению С. П. Дягилева для оформления спектаклей Русских сезонов в Париже в 1910 г. Отказ Л. С. Бакста подтвердить на деле обещание взять с собой ученика был расценен М. З. Шагалом как предательство. Без Л. С. Бакста ему совершенно очевидно нечего было делать в школе Е. Н. Званцевой, вслед за ним М. З. Шагал отправился весной 1911 г. в Париж. И самое главное, именно Л. С. Бакст раньше всех, и раньше самого М. З. Шагала тонко ощутил, понял, что будущее его ученика в еврейской провинциальной тематике.

Об участии в выставке объединения «Мир искусства» (1912)

В мае 1911 г. М. З. Шагал со стипендией своего мецената, депутата Государственной думы М. М. Винавера отправился в Париж. Публикуемые ниже письма написаны М. В. Добужинскому из Парижа спустя пять месяцев после отъезда. Они связаны с подготовкой выставки объединения «Мир искусства» и желанием М. З. Шагала в ней поучаствовать. В подготовительных работах по организации выставки значительная часть хлопот лежала на организационном комитете и на М. В. Добужинском как секретаре объединения. Письма написаны очень прилежным, почти каллиграфическим почерком, что только подчеркивает тот пиетет, с которым М. З. Шагал относился к своему недавнему учителю. Более поздние письма разным авторам грешат небрежной скорописью. **Письмо 1** имеет точную датировку – 12 октября 1911 г. в соответствии с юлианским календарем, принятым в дореволюционной России. В скобках рукою М. З. Шагала поставлено также число «29», которое не может означать дату по новому, григорианскому календарю, принятому в Европе. В этом случае в скобках должна была

стоять дата – «25». Число прочитывается вполне разборчиво, и сделанная надпись может означать лишь ошибку или невнимательность автора. **Письмо 2** не имеет точной даты, в нем указан лишь год – «1911». Датировку его позволяет сделать содержание.

Вообще говоря, о существовании переписки М. З. Шагала с М. В. Добужинским по поводу участия в выставке объединения «Мир искусства» становится известно из других опубликованных писем Шагала. Так, в письме М. З. Шагала К. В. Кандаурову, датированном 14 ноября 1911 г. он пишет, о необходимости дополнений к тем пожеланиям, которые были им уже изложены в письмах М. В. Добужинскому и касаются также развески посланных на выставку «Мир искусства» трех работ М. З. Шагала (Марк Шагал. Возвращение мастера: 316). Письмо к Кандаурову хранится в его личном фонде в РГАЛИ [6 Рукописный отдел Государственного Русского музея, Санкт-Петербург]. А вот нами публикуемые письма и есть часть переписки с Добужинским, о которой идет речь. Таким образом, **письмо 2** может быть датировано между 12 октября и 14 ноября 1911 г. К. В. Кандауров вместе с М. В. Добужинским занимался организацией выставки.

В **письме 1**, как и в опубликованном письме к К. В. Кандаурову указан адрес первой парижской мастерской М. З. Шагала в тупике «Дю Майн» близ Монпарнаса (в настоящее время улица А. Бурделя). В постскриптуме к письму М. З. Шагал сообщает о важном для него событии – визите Л. С. Бакста и его рекомендациях по отбору картин на предстоящую выставку «Мир искусства». Письмо 1 дает возможность выяснить точную дату этого визита, о котором упомянуто и в книге «Моя жизнь». И вновь важнейшее решение участвовать в выставке «мир искусников» крепнет под влиянием Л. С. Бакста. Выясняется, что прежде, чем писать М. В. Добужинскому и К. В. Кандаурову, М. З. Шагал обращается за разрешением к А. Н. Бенуа (Рукописный отдел Государственного Русского музея, Санкт-Петербург) и за советом к Л. С. Баксту.

В переписке с А. Н. Бенуа и М. В. Добужинским М. З. Шагал подчеркивает значение признания общества «Мир искусства» и участия в его выставке. Одновременно он вспоминает два первых неудачных опыта экспонирования: М. В. Добужинскому он пишет о первом своем участии в экспозиции учеников школы Е. Н. Званцевой в редакции петербургского журнала «Аполлон» в апреле-мае 1910 г., где он был представлен тремя произведениями «Обед», «Свадьба», «Смерть» и где он имел «пререкания с цензурой»; А. Н. Бенуа он напоминает о своем неудачном, по его мнению, опыте участия во 2-ой выставке «Союза молодежи» в апреле 1911 г. накануне перед отъездом в Париж. И вновь столкновение с цензурой. Еще одна неудача поджидала М. З. Шагала по приезде в Париж, где предложенные им в Осенний салон 1911 года произведения все были отвергнуты. Художник переживает глубокий кризис. На выставку «Мира искусства» он возлагает надежды, для выхода из депрессии ему нужна удача. Поэтому он так обстоятелен в описании необходимых условий экспонирования трех отобранных и высланных им картин.

Зарисовки в приложении к письму К. В. Кандаурову позволяют установить, какие произведения предлагал на выставку «Мир искусства» художник: «Внутренность дома (Рождение)» (1911, Чикаго, Институт искусств; в каталогах она часто называется «Рождение», иногда ее датируют 1912-м г.); «Интерьер II» (1911, частное собрание, Крефельд; у М. З. Шагала она названа «Комната») и «Похороны» (в письме приведено название «Покойник на улице»). Художник не настаивает на этих названиях и готов на их изменение в угоду «цензуре». Как выясняется из каталога, в итоге только одна картина «Похороны» была принята и экспонировалась на выставке «Мира искусства» в Петербурге в январе 1912 г. с авторским названием «Покойник на улице» [8 Каталог выставки картин «Мир искусства»].

И еще необходимо сказать несколько слов в связи с упомянутым в **письме 2** художником-живописцем Николаем Александровичем Тарховым (1871-1930). Имя его сегодня лишь возвращается к российскому зрителю вместе с творческим наследием

художника. Получив основы художественного образования в частной мастерской К. А. Коровина, Н. А. Тархов в 1898 г. уехал в Париж, где увлекся живописью импрессионистов, много работал на природе, в 1900-е-1910-е гг. активно участвовал в российских выставках в Москве и Петербурге, продолжая жить в предместье Парижа – Орсе. Н. А. Тархов был одним из зарубежных учредителей второго «Мира искусства» в 1910 г. и в то время был достаточно преуспевающим художником. М. З. Шагал обращал внимание на его творчество еще до поездки в Париж. В Париже он сблизился с Н. А. Тарховым, пользовался его поддержкой, бывал в его доме вместе с А. Г. Роммом, а после отъезда последнего из Парижа некоторое время продолжал общаться с художником. В 1911 г. Шагал создал несколько рисунков с изображением Н. А. Тархова: «В гостях у Тархова», «В столовой Тархова» (оба рисунка принадлежат Музею современного искусства, Центру Жоржа Помпиду в Париже). Вероятно, М. З. Шагал искал поддержки Н. А. Тархова как учредителя объединения «Мир искусства» и в деле продвижения собственных работ на выставку объединения.

Особенности археографической обработки писем

Тексты писем воспроизводятся по цветным копиям рукописных оригиналов, написанных черными чернилами на сложенных пополам листах формата, близкого к стандартному А4. Тексты воспроизводятся в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации без специальных оговорок за исключением случаев, когда особенности авторского стиля носят смысловую нагрузку. В этих случаях авторская орфография сохранена. Сокращения, не вызывающие разночтений, расшифрованы в косых скобках. Подчеркивания в тексте, авторство которых установить не удастся, выделены в публикации курсивом.

Письмо 1

Paris

12 окт/ября/ (29) /1/911

Глубоко уважаемый Мстислав Валерьянович,

Вот уже 5 месяцев я в Париже живу и работаю и не забыл, что, когда я уезжал, Вы после того, как мне сказали, что сумею выставить в «Мире Искусства», просили, чтобы я прислал свой адрес.

Не перестаю ныне надеяться, что Вы любезно напишете: как со мной решили. Большой честью, конечно, премного обязанный моим прежним руководителям, я бы считал быть вблизи Вашего уважаемого Общества, мнением которого считаюсь и, тем более, когда я здесь в Париже живу и работаю одинокий.

Надеюсь, Вы не задержите ответом и тем любезно дадите мне знать, как в скором поступить.

Ваш преданный и бывший ученик, М. Шагал.

Paris, Impasse du Meine 18.

atelier 18

M/arc/ Chagall

P.S.

Привет от Л. Бакста, который вчера был у меня здесь и ему сказал, что Вам напишу, и он тоже советовал это сделать, наметив 2 работы.

M/арк/ Ш/агал/ (15).

Письмо 2

Paris. 1911

Глубоко уважаемый Мстислав Валерьянович.

Я получил Вашу телеграмму и сегодня высылаю работы (в одном ящике с работами г. Тархова). / Баксту – очевидно, описка, следует читать – Бакста / я известил. Теперь хочу обратиться к Вам с просьбой: для меня очень нужно быть уверенным, что все мои работы будут на выставке. Вспоминаю пререкания с цензурой на нашей выставке в Аполлоне и поэтому очень беспокоюсь судьбой моих теперешних работ; могу надеяться только на Вас, что Вы, если возможно, отстоите работы перед цензурой. Сомневаюсь относительно вещи «Внутренность дома (рождение)». Быть может, цензор будет придираться к названию «рождение», тогда прошу Вас сохранить только первое и объяснить ему как декоративную задачу исключительно. Мне очень неловко Вас беспокоить, зная, что Вы будете заняты и так, но я не знаю никого в Москве. Так и относительно развески картин я бы считал желательным повесить их в определенном освещении (следуя обычаю французского салона, где всегда спрашивают относительно развески). Повесить хотел бы в пол наклона; не против окна с сильно бьющим светом, но также не в слишком темном месте, лучше всего повесить сбоку от окна. Притом, необходимо смотреть на расстоянии, и в маленькой комнате им не место. Наконец, о чем я б Вас хотел попросить, это чтоб комитет выставки послал мне счет всех расходов, павших на мою долю, включая сюда часть стоимости за пересылку работ совместно с Тарховым, или предъявить его человеку, который зайдет уплатить / следуемое – слово вписано над строкой – А. Л. / от моего имени.

Вот все, что я Вас хотел просить и позволю себе надеяться, что примете все меры, чтоб остаться Вам искренне благодарным и обязанным.

М/арк/ Шагал

назв/ания/ раб/от: /

№ 1 Внутренность дома (рождение)

№ 2 Комната

№ 3 Покойник на улице.

(но все эти /названия – слово вписано над строкой – А. Л. / можете Вы по Вашему усмотрению как угодно переменить) (15).

Итог, подведенный спустя десятилетие

Автобиографическая книга М. З. Шагала «Моя жизнь» датирована 1922 годом. И в ней, написанной по прошествии многих лет, мы находим итог, подведенный самим художником своим первым попыткам участия в выставках. Не без обиды он вспоминает о российской действительности и сообщает: «Там с малых лет я постоянно чувствовал – мне постоянно напоминали! – что я еврей. Представлял ли я работы на выставку молодых художников, их либо не принимали вовсе, либо если и вешали, то в самом невыгодном, в самом темном углу. Предлагал ли, по совету того же Бакста, несколько картин на выставку „Мира искусства”, они преспокойно оседали дома у кого-нибудь из устроителей, тогда как любого, самого захудалого русского художника приглашали присоединиться к кружку. И я думал: все это только потому, что я еврей, чужой, безродный» (Шагал Марк, 1994: 103).

Выводы

Давая оценку собственному экспозиционному опыту раннего периода, Марк Шагал делает акцент на характерном для российской действительности антисемитизме, который, по его мнению, был определяющим в отношении к нему как художнику. Париж избавил его от подобного внутреннего ощущения. Одновременно, первые реалии парижской жизни художника, отсутствие близкой по его мнению, перспективы, оказаться принятым к участию в известных салонах, заставляют его цепляться за возможности показать свои произведения на родине. Едва ли и здесь Шагал претендовал на то, чтобы делать самостоятельный выбор. Он оказался замечен лидерами левых течений российского искусства. Приглашение на 2-ю выставку «Союза молодежи» стало следствием реализации в ее программе «принципа свободного творчества», обращением к поискам перспектив искусства. Шагал был замечен бесспорным тогдашним лидером русских левых М. В. Ларионовым и благодаря этому стал участником еще нескольких выставок, им организованных. «Мир искусства» в начале нового этапа своей истории переживал не самые лучшие времена, утратив лидерство со своей приверженностью к принципам русского эстетизма и ретроспективизма. Приглашение к участию в своих выставках художников других направлений, таких как «Бубновский вальс», творческой молодежи, не определившейся, но явно не удовлетворенной устаревшей творческой программой «мир искусствников», было для Шагала поводом предложить свои работы. К тому же его петербургские наставники оказались в числе тех, кто стремился отстаивать принципы воссозданного объединения «Мир искусства».

Шагал, очевидно, оценивал свою картину «Смерть» как значимое творческое достижение, т.к. упорно предлагал ее организаторам выставок, конфликтуя с «цензурой», устроителями. Не смотря на весьма неоднозначные оценки критики, художественного сообщества, он был замечен. Он заявляет вызывающие сюжеты – «Рождение», «Смерть». Не пытаясь отстаивать названия своих работ перед экспонентами, он шокирует откровенностью в интерпретации тем. В числе первых художественных критиков, обративших внимание на произведения художника, стал сотрудничавший с газетой режиссер А. А. Ростиславов. Он отметил индивидуальность молодого Шагала и на ученической выставке, и в профессиональных экспозициях более позднего времени. Началом перелома, определившего иное понимание собственного места в искусстве, стал парижский Осенний салон 1912 года, где заметны новые сюжетные и стилистические поиски художника. Париж принял художника Шагала, но выставки на родине и в дальнейшем остались для него важной частью творческого опыта.

Summary

There is an opinion that the recognition came to the artist Marc Chagall (1887-1985) very soon. Indeed, for Chagall, the transition from apprenticeship to professional recognition takes very short time, judging by his participation in exhibitions. His first step to public exhibiting of his own works became Zvantseva School student exhibition, organized in St. Petersburg, in the room of the “Apollo” magazine in the spring of 1910. Already a year after that, his works were shown at professional exhibitions: with the association “Soiuz Molodioji” (“Union of Youth”, 1911) and then with the recreated association “Mir Iskusstva” (“World of Art”, 1912). It may seem that search of exhibition projects, attractive to the young artist, and at the same time for his own way in art was easy and free from external influences and from serious problems. But the more documents about the beginning of his creative activity open to researchers, the more reasons we have to speak about the significant role which played by his teachers in it. These teachers were Y.M. Pen (1854-1937), N. K. Roerich (1874-1947), L. S. Bakst (1866-1924), M. V. Dobuzhynski (1875-1957). As though, the bright, individual style of Chagall developed in spite of pedagogical systems and art directions. During all his life he disassociated himself from the attempts to classify his creativity to any of the artistic directions in the art of the 20th century. In his autobiography “My Life” the artist gave very ambiguous characteristics of his teachers. The documents of Chagall’s correspondence published in recent years give meanwhile the grounds to claim that his search of his own way was quite difficult. Chagall often followed the advices of his teachers, L. Bakst and M. Dobuzhynski, asked them for help and advice. During the transition

from apprenticeship to professionalism and in connection with his departure from Russia to Paris, he experienced a deep crisis in his creativity to get out from which him helped the exhibitions, which took place in the homeland in 1911-12. In his book “My Life” Chagall opposes the sensations of Parisian artistic life to the situation home, but Paris also does not expect the young artist with open arms. The first attempt to take part in the Paris “Salon d’Automne” (“Autumn Salon”) in 1911 was rejected and all works proposed by Chagall were rejected.

Giving an assessment to his own exposition experience of the early period, Marc Chagall places emphasis on anti-Semitism, typical for the Russian reality, which, in his opinion, was determining factor in the attitude towards him as to an artist. Paris had delivered him from such inner feeling. At the same time, the first reality of the Parisian life of the artist, the lack, in his opinion, of a close prospect to be accepted to participate in the famous salons, make him cling to the opportunity to show his works at motherland. Here Chagall hardly pretended to make an independent choice. He was noticed by leaders of left movements of the Russian art. An invitation to the 2nd exhibition of the “Union of Youth” turned up to be consequence of realization in its program of “principle of free creativity”, the appeal to searches of prospects in art. Chagall was noticed by the indisputable leader of Russian left artists M. V. Larionov and thanks to that he became the participant of several more exhibitions, organized by him. The “World of Art” at the beginning of a new period of its history, had not the best times, having lost the leadership with its commitment to the principles of Russian aesthetics and retrospection. The invitation to participate in exhibitions of artists of other artistic movements, such as the “Jack of Diamonds”, of the creative youth, who was not yet defined themselves, but who was clearly not satisfied by the outdated creative program of the “World of Art”, was for Chagall a reason to offer his works. Besides, his St. Petersburg teachers were among those who sought to defend the principles of the restored association “World of Art”.

Chagall obviously assessed his painting “Death” as a significant artistic achievement since persistently offers it to the organizers of exhibitions, conflicting with the “censorship”, with the organizers. Despite the very controversial criticism, he was noticed. He declares causing subjects – “Birth”, “Death”. Without trying to defend the titles of his works to the exhibitors, he shocks with frankness in the interpretation. Among the first art critics, drew attention to the works of the artist, was A. A. Rostislavov, cooperated with the newspaper “Rech” (“Speech”). He noted the individuality of the young Chagall and at the student exhibition, and at the professional expositions later. The Paris Autumn Salon of 1912 became the beginning of the fracture, defined the different understanding of his place in art. There noticeable appeared new plots and stylistic searches of the artist. Paris accepted the artist Chagall, but the exhibitions at home and remained further for him an important part of the creative experience.

Kopsavilkums. *Raksts ir pētījums par mākslinieka Marka Šagāla (Марк Шагал, Marc Chagall; 1887-1985) agrīnās ekspozīcijas pieredzi, daļību mākslas izstādēs Krievijā (1910-1912), kas ietekmēja mākslinieka turpmāko profesionālo izaugsmi. Šī pieredze noveda pie mākslinieka atzišanas, definēja viņa attiecības ar mākslinieku vidi, kritiķiem un kolekcionāriem.*

Использованная литература и источник информации

1. Harshav, B. (2003). *Marc Chagall and His Times: A Documentary Narrative*. Stanford: University Press. 204.
2. Брук, Я. В. (2005). Шагал и школа Бакста. [64-85] *Марк Шагал: «Здравствуй, Родина»*. Каталог выставки в Государственной Третьяковской галерее. – Москва: Сканрус.
3. Добужинский, М. В. (1987). *Воспоминания / Издание подготовил Г. И. Чугунов*. – Москва: Наука. 478
4. Каталог выставки картин «Мир искусства». (1912). Санкт-Петербург. (№ 338).
5. *Марк Шагал. Возвращение мастера*. (1988). По материалам выставки в Москве. К 100-летию со дня рождения художника. Москва: Советский художник.
6. Оболенская, Ю. Л. (2011). В школе Званцевой под руководством Л. Бакста и М. Добужинского. *Toronto Slavic Quarterly, 37 Summer*. Смотр. 20.04.2015. http://sites.utoronto.ca/tsq/37/tsq37_obolenskaia.pdf.
7. Раkitин, В. И. (2010). Марк Шагал. 1887-1985. / Москва: Искусство - XXI век. 472.
8. Репин, И. Е. (1910). В аду у Пифона. *Биржевые ведомости (вечерний выпуск)*. 15 (28) мая. № 11715.
9. Российский государственный архив литературы и искусства, Москва, ф. 769, оп. 1, ед. хр. 210, л.1
10. Ростиславов, А. А. (1910). 6-я выставка «Аполлона». *Речь*. 25 апреля (8 мая). № 111.
11. Ростиславов, А. А. (1911). Выставка «Союза молодежи». *Речь*. 24 апреля (7 мая).
12. Рукописный отдел Государственного Русского музея, Санкт-Петербург, ф. 137, ед. хр. 1721.
13. Стригалева, А. А. (2005). О выставочной деятельности петербургского общества художников «Союз молодежи». *Волдемар Матвей и «Союз молодежи»*. Москва: Наука. 275-443.
14. Шагал, М. (1994). *Моя жизнь*. Москва: издательство «Эллис Лак».
15. Дом русского зарубежья имени А. И. Солженицына. Россия. Москва. Архивное собрание, ф. 31 (фонд находится в обработке).